

Толстой Лев Николаевич

**Для чего люди
одурманиваются?**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Л34

Л34 **Лев Николаевич Т.**
Для чего люди одурманиваются? / Толстой Лев Николаевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 36 с.

ISBN 978-5-519-77173-3

ISBN 978-5-519-77173-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

станно и повсюду встрѣчаешь людей, любящихъ своихъ дѣтей, готовыхъ принести всякаго рода жертвы для ихъ блага и вмѣстѣ съ тѣмъ проживающихъ на водкѣ, винѣ, пивѣ или прокуривающихъ на опиумѣ или гашишѣ и даже на табакѣ то, что или совсѣмъ прокормило бы бѣдствующихъ и голодающихъ дѣтей, или по крайней мѣрѣ избавило бы ихъ отъ лишеній. Очевидно, что если человѣкъ, поставленный въ условія необходимости выбора между лишеніями и страданіями своей семьи, которую онъ любитъ, и воздержаніемъ отъ одурманивающихъ веществъ, все-таки избираетъ первое, то побуждаетъ его къ этому что-нибудь болѣе важное, чѣмъ то, что *всѣ это дѣлаютъ* и что это пріятно. Очевидно, что дѣлается это не *такъ, отъ скуки, для веселья*, а что есть тутъ какая-то болѣе важная причина.

Причина эта, насколько я умѣлъ понять ее изъ чтенія объ этомъ предметѣ и наблюденій надъ другими людьми и въ особенности надъ самимъ собой, когда я пилъ вино и курилъ табакъ, — причина эта по моимъ наблюденіямъ слѣдующая.

Въ періодъ сознательной жизни человѣкъ часто можетъ замѣтить въ себѣ два раздѣльные существа: одно—слѣпое, чувственное, и другое—зрячее, духовное. Слѣпое животное существо ѣстъ, пьетъ, отдыхаетъ, спитъ, плодится и движется, какъ движется заведенная машина; зрячее духовное существо, связанное съ животнымъ, само ничего не

дѣлаетъ, но только оцѣниваетъ дѣятельность животнаго существа тѣмъ, что совпадаетъ съ нимъ, когда одобряетъ эту дѣятельность, и расходится съ нимъ, когда не одобряетъ ея.

Зрячее существо это можно сравнить со стрѣлкою компаса, указывающею однимъ концомъ на Nord, другимъ на противоположный — Süd и прикрытою по своему протяженію пластинкою, невидною до тѣхъ поръ, пока то, что несетъ на себѣ стрѣлку, движется по ея направленію, и выступавшею и становящеюся видной, какъ скоро то, что несетъ стрѣлку, отклоняется отъ указываемаго ею направленія.

Точно такъ же зрячее духовное существо, проявленіе котораго въ просторѣчии мы называемъ совѣстью, всегда показываетъ однимъ концомъ на добро, другимъ—противоположнымъ—на зло и не видно намъ до тѣхъ поръ, пока мы не отклоняемся отъ даваемаго имъ направленія, т.-е. отъ зла къ добру. Но стоитъ сдѣлать поступокъ, противный направленію совѣсти, и появляется сознаніе духовнаго существа, указывающее отклоненіе животной дѣятельности отъ направленія, указываемаго совѣстью. И какъ мореходъ не могъ бы продолжать работать веслами, машиной или парусомъ, зная, что онъ идетъ не туда, куда ему надо, до тѣхъ поръ, пока онъ не далъ бы своему движенію направленіе, соотвѣтствующее стрѣлкѣ компаса, или не скрылъ бы отъ себя ея отклоненіе, такъ точно

и всякій человѣкъ, почувствовавъ раздвоеніе своей совѣсти съ животною дѣятельностью, не можетъ продолжать эту дѣятельность до тѣхъ поръ, пока или не приведетъ ее въ согласіе съ совѣстью, или не скроетъ отъ себя указаній совѣсти о неправильности животной жизни.

Вся жизнь людская, можно сказать, состоитъ только изъ этихъ двухъ дѣятельностей: 1) приведенія своей дѣятельности въ согласіе съ совѣстью и 2) скрыванія отъ себя указаній своей совѣсти для возможности продолженія жизни.

Одни дѣлаютъ первое, другіе—второе. Для достиженія перваго есть одинъ только способъ: нравственное просвѣщеніе—увеличеніе въ себѣ свѣта и вниманіе къ тому, что онъ освѣщаетъ; для втораго—для скрываетъ отъ себя указаній совѣсти—есть два способа: внѣшній и внутренній. Внѣшній способъ состоитъ въ занятіяхъ, отвлекающихъ вниманіе отъ указаній совѣсти; внутренній—состоитъ въ затемненіи самой совѣсти.

Какъ можетъ человѣкъ скрыть отъ своего зрѣнія находящійся предъ нимъ предметъ двумя способами: внѣшнимъ отвлеченіемъ зрѣнія къ другимъ, болѣе поражающимъ предметамъ и засореніемъ глазъ, такъ точно и указанія своей совѣсти человѣкъ можетъ скрыть отъ себя двоякимъ способомъ: внѣшнимъ—отвлеченіемъ вниманія всякаго рода занятіями, заботами, забавами, играми, и внутреннимъ—засореніемъ самаго органа вниманія. Для

людей съ тупымъ, ограниченнымъ нравственнымъ чувствомъ часто вполне достаточно внѣшнихъ отвлеченій для того, чтобы не видѣть указаній совѣсти о неправильности жизни. Но для людей нравственно-чуткихъ средствъ этихъ часто недостаточно.

Внѣшніе способы не вполне отвлекаютъ вниманіе отъ сознанія разлада жизни съ требованіями совѣсти; сознаніе это мѣшаетъ жить: и люди, чтобъ имѣть возможность жить, прибѣгаютъ къ несомнѣнному внутреннему способу затемненія самой совѣсти, состоящему въ отравленіи мозга одуряющими веществами.

Жизнь не такова, какая бы она должна быть по требованіямъ совѣсти. Повернуть жизнь сообразно этимъ требованіямъ нѣтъ силъ. Развлеченія, которыя бы отвлекали отъ сознанія этого разлада, недостаточны или они прѣлись, и вотъ для того, чтобы быть въ состояніи продолжать жить, несмотря на указанія совѣсти о неправильности жизни, люди отравляютъ, на время прекращая его дѣятельность, тотъ органъ, черезъ который проявляются указанія совѣсти, такъ же, какъ человекъ, умышленно засорившій глаза, скрылъ бы отъ себя то, что онъ не хотѣлъ бы видѣть.

II.

Не во вкусѣ, не въ удовольствіи, не въ развлеченіи, не въ весельи лежитъ причина всемір-

наго распространенія гашиша, опиума, вина, табака, а только въ потребности скрыть отъ себя указанія совѣсти.

Иду я разъ по улицѣ и, проходя мимо разговаривающихъ извозчиковъ, слышу, одинъ говоритъ другому: «извѣстное дѣло—тверезому совѣстно!»

Трезвому совѣстно то, что не совѣстно пьяному. Этими словами высказана существенная основная причина, по которой люди прибѣгаютъ къ одурманивающимъ веществамъ. Люди прибѣгаютъ къ нимъ или для того, чтобы не было совѣстно послѣ того, какъ сдѣланъ поступокъ, противный совѣсти, или для того, чтобы впередъ привести себя въ состояніе, въ которомъ можно сдѣлать поступокъ, противный совѣсти, но къ которому влечетъ чело-вѣка его животная природа.

Трезвому совѣстно ѣхать къ непотребнымъ женщинамъ, совѣстно украсть, совѣстно убить. Пьяному ничего этого не совѣстно, и потому, если чело-вѣкъ хочетъ сдѣлать поступокъ, который совѣсть воспрещаетъ ему, онъ одурманивается.

Помню поразившее меня показаніе судившагося повара, убившаго мою родственницу, старую барыню, у которой онъ служилъ. Онъ рассказывалъ, что, когда онъ услалъ свою любовницу горничную и наступило время дѣйствовать, онъ пошелъ было съ ножомъ къ спальнѣ, но почувствовалъ, что трезвый не можетъ совершить задуманнаго дѣла... «Трезвому совѣстно». Онъ вернулся, выпилъ два

стакана припасенной впередъ водки и только тогда почувствовалъ себя готовымъ и сдѣлалъ.

Девять десятыхъ преступленій совершаются такъ: «для смѣлости выпить!»

Половина паденій женщинъ происходитъ подъ вліяніемъ вина. Почти всѣ посѣщенія непотребныхъ домовъ совершаются въ пьяномъ видѣ. Люди знаютъ это свойство вина заглушать голосъ совѣсти и сознательно употребляютъ его для этой цѣли.

Мало того, что люди сами одурманиваются, чтобы заглушить свою совѣсть,—зная, какъ дѣйствуетъ вино, они, желая заставить другихъ людей сдѣлать поступокъ, противный ихъ совѣсти, нарочно одурманиваютъ ихъ, организуютъ одурманиваніе людей, чтобы лишить ихъ совѣсти. На войнѣ солдаты напиваются пьяными всегда, когда приходится драться въ рукопашную. Всѣ французскіе солдаты на севастопольскихъ штурмахъ бывали напоены пьяными.

Всѣмъ извѣстны люди, спившіеся съ круга вслѣдствіе преступленій, мучившихъ ихъ совѣсть. Всѣ могутъ замѣтить, что безнравственно живущіе люди болѣе другихъ склонны къ одурманивающимъ веществамъ. Разбойничьи, воровскія шайки, проститутки—не живутъ безъ вина.

Всѣ знаютъ и признаютъ, что употребленіе одурманивающихъ веществъ бываетъ послѣдствіемъ укоровъ совѣсти, что при извѣстныхъ безнрав-

ственныхъ профессіяхъ одурманивающія вещества употребляются для заглушенія совѣсти. Всѣ также думаютъ и признаютъ, что употребленіе одуряющихъ веществъ заглушаетъ совѣсть, что человѣкъ пьяный способенъ на поступки, о которыхъ онъ трезвый не рѣшился бы и подумать. Всѣ съ этимъ согласны, но—странное дѣло!—когда слѣдствіемъ употребленія одурманивающихъ веществъ не являются такіе поступки, какъ воровство, убійство, насиліе и т. п.; когда одурманивающія вещества принимаются не вслѣдъ за какими-нибудь страшными преступленіями, а людьми профессій, которыя не считаются нами преступными, и когда вещества эти принимаются не сразу въ большомъ количествѣ, но постоянно въ умѣренномъ, то почему-то предполагается, что одурманивающія вещества уже не дѣйствуютъ на совѣсть, заглушая ее.

Такъ, предполагается, что выпиваніе русскимъ достаточнымъ человѣкомъ ежедневно передъ каждой ѣдой по рюмкѣ водки и за ѣдой по стакану вина, французомъ—своей полынной настойки, англичаниномъ—своего портвейна и портера, нѣмцемъ—своего пива, а зажиточнымъ китайцемъ выкуриваніе своей умѣренной порціи опиума и куреніе при этомъ табаку дѣлается только для удовольствія и нисколько не вліяетъ на совѣсть людей.

Предполагается, что если послѣ этого обычнаго одурманиванія не совершено преступленіе, воровство, убійство, а извѣстные поступки, глупые и дур-

ные, то эти поступки произошли сами собой и не вызваны одурманиваніемъ. Предполагается, что если этими людьми не совершено уголовного преступленія, то имъ и нѣтъ причинъ заглушать свою совѣсть, и что та жизнь, которую ведутъ люди, предающіеся постоянному одурманиванію себя, есть жизнь вполне хорошая и была бы точно такой же, если бы люди эти не одурманивались. Предполагается, что постоянное употребленіе одурманивающихъ веществъ нисколько не затемняетъ ихъ совѣсти.

Несмотря на то, что каждый по опыту знаетъ, что отъ употребленія вина и табаку настроеніе измѣняется и перестаетъ быть совѣстно то, что безъ возбужденія было бы совѣстно; что послѣ каждаго, хотя бы и мелкаго, укора совѣсти такъ и тянетъ къ какому-нибудь дурману, и что подъ вліяніемъ одурманивающихъ веществъ трудно обдумать свою жизнь и свое положеніе, и что постоянное и равномерное употребленіе одуряющихъ веществъ производитъ то же фізіологическое дѣйствіе, какъ и одновременное неумѣренное, — людямъ, умѣренно пьющимъ и курящимъ, кажется, что они употребляютъ одурманивающія вещества совсѣмъ не для заглушенія своей совѣсти, а только для вкуса и удовольствія.

Но стоитъ только серьезно и безпристрастно, не выгораживая себя, подумать объ этомъ, чтобы понять, что, во-первыхъ, если употребленіе одурманивающихъ веществъ сразу въ большихъ размѣ-

рахъ заглушаетъ совѣсть человѣка, то постоянное употребленіе этихъ веществъ должно производить то же дѣйствіе, такъ какъ одурманивающія вещества дѣйствуютъ фізіологически всегда одинаково, всегда возбуждая и потомъ притупляя дѣятельность мозга, будутъ ли они приняты въ большихъ или малыхъ приѣмахъ; во-вторыхъ, что если одурманивающія вещества имѣютъ свойство заглушать совѣсть, то они имѣютъ его всегда—и тогда, когда подъ вліяніемъ ихъ совершается убійство, воровство, насиліе и когда подъ вліяніемъ ихъ говорится слово, которое не сказалось бы, думается и чувствуется то, что не думалось и не чувствовалось бы безъ нихъ; и въ-третьихъ, что если употребленіе одурманивающихъ веществъ нужно для того, чтобы заглушить ихъ совѣсть ворами, разбойникамъ, проституткамъ, то оно точно такъ же нужно людямъ, занимающимся профессіями, осуждаемыми ихъ совѣстью, хотя бы профессіи эти признавались законными и почетными другими людьми.

Однимъ словомъ, нельзя не понять того, что употребленіе одурманивающихъ веществъ въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, періодически или постоянно, въ высшемъ или низшемъ кругу вызываетъ одною и тою же причиною — потребностью заглушенія голоса совѣсти, для того, чтобы не видать разлада жизни съ требованіями сознанія.

III.

Въ этомъ одномъ причина распространенія всѣхъ одуряющихъ веществъ и между другими табака, едва ли не самаго распространеннаго и самаго вреднаго.

Предполагается, что табакъ веселить, уясняетъ мысли, привлекаетъ къ себѣ только какъ всякая привычка, ни въ какомъ случаѣ не производя того дѣйствія заглушенія совѣсти, которое признается за виномъ. Но стоитъ только повнимательнѣе взглядѣться въ условія, при которыхъ проявляется особенная потребность въ куреніи, для того, чтобы убѣдиться, что одурманеніе табакомъ, точно такъ же какъ и виномъ, дѣйствуетъ на совѣсть, и что люди сознательно прибѣгаютъ къ этому одурманенію особенно тогда, когда оно нужно имъ для этой цѣли. Если бы табакъ только уяснялъ мысли и веселилъ, не было бы этой страстной потребности въ немъ и потребности именно въ извѣстныхъ, опредѣленныхъ случаяхъ, и не говорили бы люди, что они готовы пробыть скорѣе безъ хлѣба, чѣмъ безъ табаку, и дѣйствительно, часто не предпочитали бы куреніе пищѣ.

Тотъ поваръ, который зарѣзалъ свою барыню, рассказывалъ, что когда онъ, войдя въ спальню, рѣзнулъ ее ножомъ по горлу и она упала, хрипя, и кровь хлынула потокомъ, то онъ заробѣлъ. «Я не могъ дорѣзать,—говорилъ онъ,—и вышелъ изъ